

Е. В. Пономарева

Тюменский государственный университет
(Тюмень)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ ИЛИ ПРОДУКТ ЗАПАДНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ?

Автор исследует особенности западной правовой и философской традиций в качестве необходимых условий формирования современных взглядов на права человека. В частности, уже в Средневековье предлагалось понимать лицо как индивидуальную субстанцию (Ф. Аквинский); в Новое время утвердились представления о сознательном характере человеческой деятельности и о разумном, наделенном свободной волей индивиде (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г. В. Лейбниц); в XIX в. получила развитие идея воли в праве (К. Савиньи, Г. Еллинек); после Второй мировой войны права человека стали наиболее влиятельным языком международного общения.

Вместе с тем доктрина прав человека, претендующая на универсальность, до сих пор встречает противодействие в странах Востока. Связано это, во-первых, с разными методологическими установками познания правовых явлений, правопонимания в целом, во-вторых, с разными интеллектуальными основаниями осмысления понятий «воля», «свобода» и «индивидуализм». В странах ислама идея прав человека наполняется содержанием, обосновывается и легитимируется в религиозных догматах. Закрепление же свободы мысли, совести и религии в международных нормативных актах подрывает основы традиционного общества и соответственно вызывает критику исламских государств. В результате цель выведения прав человека на уровень универсального языка международного общения остается недостигнутой.

Ключевые слова: права человека, западная традиция права, правовая коммуникация, правовая воля, индивидуализм

Для цитирования

Пономарева Е. В. Права человека: универсальный язык международного общения или продукт западной правовой мысли? // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 4–11. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_4.

УДК 34.01

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_4

Права человека, неоднозначность их понимания, и тем более возможность их ограничения являются темами научных дискуссий как юристов, так и политологов на протяжении десятилетий. Чем же вызвана подчас принципиальная непримиримость взглядов на этот предмет? Предполагаю, что камнем преткновения в вопросе определения прав человека и решения дальнейших связанных с этим проблем выступают принципиально разные методологические установки, лежащие в основе изучения предмета. Существует вполне ощутимая демаркационная линия между Востоком и Западом, и речь идет не о

географическом разграничении. Попытаюсь показать, что подобное разделение лежит, во-первых, в области права, во-вторых, в области осмысления феномена индивидуализма.

Итак, право в западном обществе представляет собой самостоятельный, обособленный регулятор общественных отношений. Г. Дж. Берман определяет Запад как особую историческую культуру или цивилизацию, унаследовавшую многие элементы культуры Древней Греции и Рима, противоположность мира Востока. Он подчеркивал, что Запад – это общество, воспринявшее григорианскую реформу, которая, в свою очередь, породила

независимость Римской католической церкви и создание канонического права, а затем основанное на нем право светское, т. е. по большому счету систему права (в строгом смысле слова), от которой берет начало вся правовая традиция Европы и Соединенных Штатов Америки [Берман 1998: 20–22]. В отличие от обществ, условно говоря, незападных, право, претерпевая влияние религии и морали, становится самостоятельным корпусом правил, отличным от иных социальных регуляторов. Неслучайно именно после обнаружения в одной из библиотек Италии Дигестов Юстиниана с целью изучения римского права создан первый европейский университет в Болонье, собирающий студентов из разных уголков Европы. Уже этот факт говорит о важности для западного человека такого социального регулятора, как право, о понимании необходимости разработки собственных методологических оснований права, выразившихся в особом методе – схоластической диалектике.

Кроме того, для Запада характерны особое философское осмысление личности и ее необходимых качеств, а также собственная, уникальная система ценностей, что напрямую повлияло на появление доктрины прав человека. Для понимания современных западных представлений о личности и ее правах нужно кратко осветить подготовившие для них почву философские идеи о субъекте познающем, свободной автономной воле, началах рационализма.

Течение индивидуализма и понимание личности как высшей ценности берут начало уже в западном Средневековье. Фома Аквинский предложил понимать лицо как индивидуальную субстанцию – ипостась, в которой реализуется разумная природа, придающая этой субстанции превосходство. Лицо в учении Фомы Аквинского – первичная субстанция, индивид, существующий самостоятельно как целое. Богослов придавал понятию «лицо» не столько натуралистическое, сколько метафизическое значение, тем самым возвышая саму идею лица как неделимой, индивидуальной, разумной, волевой субстанции [Procoriou 2013: 432].

Переосмысление этой идеи постепенно произошло в Новое время – период освобождения от религиозных догматов и формирования научного знания. Место религии прочно заняла наука, причем не как метафизическое

знание, но как знание, проверенное опытным, экспериментальным путем. Философия все в меньшей степени опиралась на богословие и искусство, а в большей – на науку, формируя два направления – эмпиризм (опора на опыт) и рационализм (опора на разум).

Представителем эмпиризма Нового времени был Ф. Бэкон, утвердивший собственной философией субъект-объектную парадигму, которая заняла прочное место в европейском мышлении. Познающий разумный субъект отныне противопоставлен объекту. Человек, становясь властителем природы, изучает ее законы, ищет истину не в книгах, но в практической деятельности, в непосредственных наблюдениях и эксперименте. Здесь субъект – это лицо разумное и познающее, способное экспериментальным путем открыть истинное знание [Бэкон 1970: 194].

Приверженцем рационализма был Р. Декарт, поместивший субъекта познающего в центр собственной философской системы. Декарт указал на утрату власти авторитетов и на то, что люди могут найти объяснение природных явлений, воспользовавшись собственными наблюдениями. Это утверждение основано на образе человека, занимающегося мыслительной деятельностью и способного понять и рационально объяснить законы природы [Декарт 1950: 448]. Вместе с тем, несмотря на отнесение идей Декарта к рационализму в философии, важно отметить, что сам философ был не чужд экспериментов и наблюдений. Сформулировав свои основные идеи, Декарт отмечал важность их экспериментальной проверки. Бэкон тоже отстаивал необходимость сочетания в познании экспериментальных и рациональных возможностей [Готтлиб 2020: 64], а потому строгое деление представителей философии Нового времени на эмпириков и рационалистов способно внести в исследование их идей ненужные противоречия.

Г. В. Лейбниц также возвращался к метафизическим идеям о субстанции, являющейся самостоятельной и отличной от иных субстанций. Лейбниц отмечал, что мир состоит не только из материи, представляющей собой некий конгломерат частей, не обладающих реальностью без существования истинных единств, того, что имеет сходство с душами, индивидуальных субстанций. Ученый подчеркивал духовный характер последних, ука-

зывая, что они отличаются внутренними качествами и действиями, иными словами, восприятиями и стремлениями, составляющими начало изменения [Лейбниц 1890: 325]. Эти субстанции Лейбниц именовал монадами, которые в отличие от материи, являющейся протяженной, а потому делимой, нематериальны и неделимы подобно атомам. Монады имеют осознанные желания и стремятся к реализации собственного предназначения. Более того, только монады реальны и представляют собой разум [Лейбниц 1982: 413].

Эпоха Нового времени подготовила основания для появления оригинальных и исключительно западных представлений о субъекте. В это время начали формироваться персонализм, индивидуализм в современном понимании, утверждались представления о сознательном характере человеческой деятельности. Провозглашенный Декартом тезис «Мыслю, следовательно, существую» показал самодостаточность и ценность рационального знания, поставил во главу угла субъекта мыслящего и деятельного. В философии Нового времени именно человек стал источником воли, деятельности и автономии. Подобного рода идеи создали предпосылки для формирования понятия личности, атомистических представлений об обществе в целом, в котором каждый индивид представляет собой единую неделимую субстанцию, своего рода атом, и вступает в отношения для реализации собственных интересов. Такому разумному, наделенному свободной волей индивиду зачастую чужды коллективистские идеалы и ценности, в отличие от общества Востока, в котором человек не мыслится за пределами института семьи или клана, а индивидуальная воля растворена в воле коллективной.

Представления о познающем разумном волевом субъекте, выработанные преимущественно в рамках европейского рационализма, не могли не оказать существенного влияния на юриспруденцию, на разработку соответствующих представлений о субъекте права, лице. В тот период произошла смена методов познания, которыми оперировали юристы. Впервые в школе естественного права юристы вышли за пределы собственных познавательных способов и обратились к философии Нового времени, а также к классической научной рациональности. Школа естественного

права, следуя философским установкам своего времени и не забывая разработанные ранее идеи о субстанциях материальных и духовных, о неделимости последних, попыталась выстроить юриспруденцию как науку по образцу естественных наук. Так, если в научном исследовании принято определять первичные элементарные понятия, то и школа естественного права в качестве неделимой субстанции провозгласила субъекта права, представленного человеком. Как и духовная субстанция, обладающая атрибутами и модусами, человек был наделен субъективными правами.

Эти идеи нашли выражение как в теоретических конструкциях, так и в конкретных нормативных актах, закрепляющих права и свободы человека. В немецкой юриспруденции XIX в. начали формироваться представления о свободе субъекта, его правовой воле, исследовалось соотношение воли и юридической ответственности, формировалась волевая концепция субъективного права. К примеру, в понимании К. Савиньи субъективным правом является область, в которой господствует воля субъекта [Савиньи 1876: 5]. По мнению Б. Виндшейда, право – это установленная юридическим порядком дозволенность воли, предоставленные юридическим порядком власть или господство [Виндшейд 1874: 375]. Присоединился к этой точке зрения и Г. Еллинек, согласно позиции которого право есть признанное и защищенное правопорядком господство человеческой воли, направленное на благо или интерес [Еллинек 2004: 345].

Позднее субъективное право с волей связывал уже представитель французской правовой мысли Р. Салейль, отмечавший, что субъективное право – это власть, поставленная на службу социально значимым интересам и приводимая в действие автономной волей [Saleilles 1922: 548–550]. Ценность подобных взглядов заключается в том, что именно свободная воля позиционируется как основание возникновения и существования субъективного права и юридической обязанности. Развитие идея воли в праве получила также в трудах Л. Мишу, М. Ориу, Р. Демога, в русской дореволюционной литературе – в работах И. В. Михайловского и Е. Н. Трубецкого.

Окончательно идеи разумности, индивидуализма, достоинства личности были утверждены на международном уровне благодаря нормативному закреплению трех поколений

прав человека. После Второй мировой войны права человека стали наиболее влиятельным языком международного общения, и даже государства, не разделяющие западный пиетет к доктрине прав человека и ее реализации, вынуждены были признать важнейшие правозащитные документы, для того чтобы стать полноправными участниками международного сообщества. Однако доктрина прав человека, претендующая на бесспорную универсальность, до сих пор встречает противодействие в ряде стран. Дело в том, что содержание прав человека и идею достоинства личности можно толковать по-разному в рамках разных культур, а критика прав человека вызвана разностью философских и правовых оснований осмысления понятий воли, свободы и ценности.

Условно можно выделить такие этапы развития человечества, как традиционное общество, модерн и постмодерн. На первом этапе сохраняются и культивируются традиционные ценности, теоцентризм, главенство религиозных установлений во всех сферах общественной жизни, патриархальная семья, жесткая социальная иерархия. На втором отвергается идея о справедливом Боге, центром мироздания становится разумный человек, способный самостоятельно открыть и постичь истинное знание. Третий характеризуется по большому счету деконструкцией в духе Ж. Деррида, критикующей субъективность, логоцентризм и догматизм западной философии, смертью Бога в смысле тотального отвержения абсолютных и универсальных идеалов и ценностей, попыткой выстроить интересубъективную реальность, основанную на признании инаковости и особых основ коммуникации [Хабермас 2001]. Невозможно утверждать, что идеи постмодерна популярны или хотя бы достаточно известны повсеместно, в некоторой степени можно даже говорить о неравномерности распространения этих идей в пределах одного общества. Однако Европа с середины прошлого века как минимум осмысливает установки постмодерна, в то время как страны ислама представляют собой исключительно традиционное и самодостаточное общество, не нуждающееся в подобных философских идеях.

Запад уже давно перешел от периода архаики, в котором торжествовали коллективные интересы, традиционные ценности и теоцен-

тризм, к периоду даже не модерна, а постмодерна, в котором отсутствуют сколько-нибудь универсальные ценности, абсолютная истина, каждый способен задавать собственные смыслы и ценности, нет больше универсального критерия для различения хорошего и дурного, теряет всякий смысл различение своих и чужих, а основой реализации личностью субъективных прав выступает способность к коммуникации в разных областях.

Неслучайно в западной правовой мысли возникает идея правовой коммуникации, развиваемая М. ван Хуком [Хук 2012] (в России А. В. Поляков разработал коммуникативную теорию права [Поляков 2014], и И. Л. Честнов – диалогическую теорию права [Честнов 2012]). Подобные идеи вполне закономерны для современного состояния западного общества, они критикуют догматичность закона и низведение личности, субъекта права до простого элемента юридических конструкций (в первую очередь речь идет о конструкции правоотношения). И. Л. Честнов определяет диалог в праве как «взаимобусловленность и взаимодополнительность позиций индивида относительно Другого» [Честнов 2012: 373]. Важное в этом определении именно способность принятия Другого в его Инаковости, принципиальной отличности, в качестве социально значимого субъекта, способного формулировать правило поведения.

В новом социокультурном измерении критикуется догматичность не только правовых, но и прочих социальных институтов. С этой точки зрения сама идея толерантности, необходимая для принятия Другого, есть продукт исключительно западного общества, поскольку может существовать только там, где отвергаются канон и догма. Напротив, в обществах незападных человек включается в правовую реальность только при взаимодействии с другими, а место, занимаемое в обществе, определяет его правовое положение. А. Бернар подчеркивал, что в таком обществе человеку дарована лишь одна возможность определения себя как личности: исключить себя из общества, оборвать все социальные связи и стать отшельником [Bernard: 127].

Идея суверенности личности, ее самоценности, автономии в западном обществе постулируется в правах человека как основном языке современной международной коммуникации. Он, однако, не всегда может

быть приемлемым для стран незападных. М. Игнатъев отмечает, что дискурс универсальных прав для мусульман влечет за собой появление суверенной и самостоятельной личности, что с точки зрения Корана представляет собой богохульство [Игнатъев 2001: 44].

Л. Р. Сюкияйнен пишет, что поведение мусульманина, в том числе правовое, относится к предмету фикха – исламской науки [Сюкияйнен 2014: 139]. В исламских государствах приоритетом обладают исключительно нормы религии, но не права, а идея прав человека наполняется содержанием, обосновывается и легитимируется через Коран и Сунну. Так, согласно Каирской декларации по правам человека в Исламе 1990 г. права человека выступают составной частью религии, соблюдение их равняется акту поклонения, а нарушение – греху. Несмотря на то что декларация закрепляет многие общепризнанные

По большому счету все правовые притязания лица, признаваемые в исламских государствах, вытекают из религиозного источника. Речь идет в первую очередь о праве на свободу, достоинство, юридическое равенство, утверждение принципа справедливости. Однако вне Божественного установления, вне религиозного источника эти начала в праве перестанут существовать, что ставит под сомнение автономность и универсальность права как социального регулятора в государствах ислама.

Происходящие в Европе конфликты между мусульманским меньшинством и европейцами, критика исламскими странами некоторых статей Всеобщей декларации прав человека порой ставят под сомнение универсальность прав человека как языка международного общения даже на самом минимальном уровне – на уровне негативной свободы, «свободы от» (жестокости, обращения, насилия, пыток, дискриминации). К примеру, ст. 16 и 18 Всеобщей декларации прав человека не признаются Саудовской Аравией, поскольку закрепляют свободу вступления в брак, а также свободу мысли, совести и религии, что, безусловно, подрывает основы традиционного общества.

С трудом работает концепция прав человека как универсальное средство общения и при разрешении межэтнических конфликтов в самой Европе. Следует вспомнить создание карикатур на святых, неизбежно влекущее, как показывает история, развитие конфликта. Во Франции журнал политической сатиры *Charlie Hebdo* достаточно часто «шутит» над святынями христианства и ислама, что уже вылилось в череду насильственных конфликтов в 2015 г. Демонстрация в октябре 2020 г. карикатуры на пророка Мухаммеда учителем истории Самюэлем Пати повлекла за собой смерть последнего и череду террористических актов во Франции и Австрии. Для западного человека подобные карикатуры служат средством реализации свободы слова², а для

² Déclaration du Président Emmanuel Macron suite à l'attentat de Conflans-Sainte-Honorine // URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/10/16/declaration-du-president-emmanuel-macron-suite-a-lattentat-de-conflans-sainte-honorine> (дата обращения: 04.12.2021); Emmanuel Macron: «Ils ne passeront pas. Nous ferons bloc» // URL: <https://www.ladepeche.fr/2020/10/16/emmanuel-macron-ils-ne-passeront-pas-nous-ferons-bloc-9144552.php> (дата обращения: 01.12.2021).

Идея суверенности личности, ее самоценности, автономии в западном обществе постулируется в правах человека как основном языке современной международной коммуникации

права человека, она не гарантирует свободу совести и слова, а также предусматривает свободу передвижения исключительно в рамках государств системы шариата. Подобные положения не вполне соответствуют Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

Хартия прав человека 2004 г. тоже закрепляет право на свободу и личную неприкосновенность, право на уважение достоинства и правосубъектность, свободу передвижения, презумпцию невиновности, однако допускает смертную казнь несовершеннолетних и декларирует свободу совести как право исповедовать религию индивидуально или коллективно, но отнюдь не как право не исповедовать религию вообще, за что также критиковалась Верховным комиссаром ООН по правам человека¹.

¹ La Charte arabe des droits fondamentaux incompatible avec les normes international // URL: <https://news.un.org/fr/story/2008/01/124852-hcdh-la-charte-arabe-des-droits-fondamentaux-incompatible-avec-les-normes> (дата обращения: 04.12.2021).

человека незападного – уничтожением основ собственной культуры.

Цель выведения прав человека на уровень универсального языка международного общения, несмотря на существование в незападных обществах правозащитных движений, до сих пор не достигнута. Главными проблемами на пути к ее достижению выступают, как было отмечено, принципиально разные основания объективного права и правосознания, а также исключительно западный путь развития начал индивидуализма и представлений о личности, на которых полностью базируется доктрина прав человека. Традиционное общество, чье представление о правах человека подчас остается интуитивным, по большому счету не создает механизмов для индивидуальной борьбы человека за свои права, а если имеет таковые, то не предоставляет личности, вставшей на правозащитный путь, сколько-

нибудь определенных гарантий от дальнейшего остракизма, изгнания ее из системы традиционных отношений, вне которых она существовать не может.

Безопасное утверждение прав человека в таких обществах может происходить только в рамках определенной группы, коллективно, что, пожалуй, уже противоречит самой идее прав человека, берущей начало в индивидуализме, автономии и свободе человека. Однако, хотя права человека во многом остаются продуктом западной правовой и философской мысли, есть слабая надежда на то, что человечество, сохраняя уникальность локальных культур, но памятуя о последствиях вооруженных и межэтнических конфликтов, о жертвах насилия, способно на языке разума достичь согласия насчет минимальных, базовых ценностей, присущих каждому обществу и каждому цивилизованному человеку.

Список литературы

Bernard A. L'identité des personnes physiques en droit privé. Remarques en guise d'introduction // L'identité politique / dir. J. Chevalier. Paris: PUF, 1994. P. 127–155.

Procopiou E. La personne en tant que sujet de droit chez Saint Thomas d'Aquin. Athènes: Éditions Hérodotos, 2013. 638 p.

Saleilles R. De la personnalité juridique: histoire et theories; vingt-cinq leçons d'introduction à un cours de droit civil comparé sur les personnes juridiques. Paris, 1922. 716 p.

Берман Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Инфра-М; Норма, 1998. 624 с.

Бэкон Ф. Новый органон. М., 1970. Т. 2. 216 с.

Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Общая часть. СПб.: Гиероглифов и Никифоров, 1874. Т. 1. 375 с.

Готтлиб Э. Мечта о Просвещении. Рассвет философии Нового времени. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 412 с.

Декарт Р. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. 712 с.

Елинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 752 с.

Игнатъев М. Права человека как политика и как идолопоклонство. М.: Нов. лит. обозрение, 2001. 97 с.

Лейбниц Г. В. Избранные философские сочинения / под ред. В. П. Преображенского. М., 1890. 366 с.

Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.

Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2014. 575 с.

Савиньи Ф. К. Обязательственное право. М.: Тип. А. В. Кудрявцевой, 1876. 600 с.

Сюкияйнен Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М.: Садра, 2014. 212 с.

Честнов И. Л. Постклассическая теория права: моногр. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. М.: Наука, 2001. 417 с.

Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб.: Университет. издат. консорциум, 2012. 288 с.

Елена Владимировна Пономарева – кандидат юридических наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета. 625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: helenmonev@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-3057-9685

Human Rights: a Universal Language of International Communication or a Product of Western Legal Thought?

The author examines the features of the Western legal and philosophical traditions as necessary conditions for the formation of modern views on human rights. In particular, in the Middle Ages it was proposed to understand a human as a single material substance (T. Aquinas); in modern times, ideas about the conscious nature of human activity and about a rational individual endowed with free will were established (F. Bacon, R. Descartes, G. W. Leibniz); in the 19th century the idea of will in law was developed (K. Savigny, G. Jellinek); after World War II, human rights became the most influential language of international communication.

At the same time, the doctrine of human rights, which claims to be universal, still encounters opposition in the countries of the East. This is connected, firstly, with different methodological guidelines for the cognition of legal phenomena, legal understanding in general, and secondly, with different intellectual foundations for understanding the concepts of will, freedom and individualism. In Islamic countries, the idea of human rights is filled with content, substantiated and legitimized in religious dogmas. The consolidation of freedom of thought, conscience and religion in international normative acts undermines the foundations of traditional society and, accordingly, causes criticism of Islamic states. As a result, the goal of bringing human rights to the level of a universal language of international communication remains unattained.

Keywords: human rights, western legal tradition, legal communication, legal will, individualism

Recommended citation

Ponomareva E. V. Prava cheloveka: universalnyi yazyk mezhdunarodnogo obshcheniya ili produkt zapadnoi pravovoi mysli? [Human Rights: a Universal Language of International Communication or a Product of Western Legal Thought?], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 1, pp. 4–11, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_4.

References

- Bacon F. *Novyi organon* [New Organon], Moscow, 1970, vol. 2, 216 p.
- Berman Dzh. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Western Tradition of Law: the Era of Formation], Moscow, Infra-M, Norma, 1998, 624 p.
- Bernard A. *L'identité des personnes physiques en droit privé. Remarques en guise d'introduction* [The Identity of Persons in Private Law. Introductory Remarks], J. Chevalier (dir.) *L'identité politique*, Paris, PUF, 1994, pp. 127–155.
- Chestnov I. L. *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical Theory of Law], Saint Petersburg, Izdat. dom «Alef-Press», 2012, 650 p.
- Dekart R. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works] Moscow, Politizdat, 1950, 712 p.
- Ellinek G. *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General Doctrine of the State], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2004, 752 p.
- Gottlib E. *Mechta o Prosveshchenii. Rassvet filosofii Novogo vremeni* [Dream of Enlightenment. Dawn of Modern Philosophy], Moscow, Alpina non-fikshn, 2020, 412 p.
- Ignat'ev M. *Prava cheloveka kak politika i kak idolopoklonstvo* [Human Rights as Politics and as Idolatry], Moscow, Nov. lit. obozrenie, 2001, 97 p.
- Khabermas Yu. *Vovlechenie Drugogo. Ocherki politicheskoi teorii* [Involvement of the Other. Essays on Political Theory], Moscow, Nauka, 2001, 417 p.
- Khuk M. van. *Pravo kak kommunikatsiya* [Law as Communication], Saint Petersburg, Universitet. izdat. konsortium, 2012, 288 p.

Leibnits G. V. *Izbrannye filosofskie sochineniya* [Selected Philosophical Writings], Moscow, 1890, 366 p.

Leibnits G. V. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., Moscow, Mysl', 1982, vol. 1, 636 p.

Polyakov A. V. *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy* [Communicative Legal Thinking. Selected Works], Saint Petersburg, Izdat. dom «Alef-Press», 2014, 575 p.

Procopiou E. *La personne en tant que sujet de droit chez Saint Thomas d'Aquin* [The Person as a Subject of Law in Saint Thomas Aquinas], Athènes, Éditions Hérodotos, 2013, 638 p.

Saieilles R. *De la personnalité juridique: histoire et theories; vingt-cinq leçons d'introduction à un cours de droit civil comparé sur les personnes juridiques* [Legal Personality: History and Theories; Twenty-Five Introductory Lessons for a Comparative Civil Law Course on Legal Persons], Paris, 1922, 716 p.

Savin'i F. K. *Obyazatel'stvennoe pravo* [Obligatory Law], Moscow, Tip. A. V. Kudryavtsevoi, 1876, 600 p.

Syukiyainen L. R. *Islam i prava cheloveka v dialoge kultur i religii* [Islam and Human Rights in the Dialogue of Cultures and Religions], Moscow, Sadra, 2014, 212 p.

Vindsheid B. *Uchebnik pandektnogo prava. Obshchaya chast'* [Textbook of Pandect Law. A Common Part], Saint Petersburg, Gieroglifov i Nikiforov, 1874, vol. 1, 375 p.

Elena Ponomareva – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of theory of state and law and international law, Tyumen State University. 625003, Russian Federation, Tyumen, Volodarskogo str., 6. E-mail: helenmonev@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-3057-9685

Дата поступления в редакцию / Received: 14.12.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.02.2022